

РУССКИЙ ЯЗЫК. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК. БЕЛОРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

УДК 821.16

В. Д. Абрамович

Государственное учреждение образования «Средняя школа № 19 г. Барановичи», Барановичи, Республика Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА ДРЕВНЕРУССКИХ ТЕКСТОВ НА ПРИМЕРЕ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Введение. «Слово о полку Игореве» (далее — «Слово») — общепризнанный памятник древнерусской литературы, искусства, литературы и истории, созданный в конце XII в. анонимным автором. Самые известные поэтические переводы на русский язык принадлежат В. А. Жуковскому, Н. А. Заболоцкому, Н. И. Рыленкову, Д. И. Лихачёву. На белорусский язык «Слово» переводили Я. Купала, Г. Бородулин. Отдельные фрагменты перевода «Слова» на украинский язык принадлежат Т. Г. Шевченко.

Сравнительный анализ текста «Слова» в переводах Д. С. Лихачёва, Н. А. Заболоцкого, В. А. Жуковского, Я. Купалы является целью нашего исследования.

Основная часть. В переводах «Слова» можно выделить композиционные, лексические и содержательные отличия. У Н. А. Заболоцкого текст состоит из разного объёма строф. Д. С. Лихачёв абзацами выделяет смысловые части, у Я. Купалы строфы поделены на части и пронумерованы. У В. А. Жуковского строфы совпадают с абзацами оригинального текста «Слова».

Отличаются переводы и по составу лексики, синтаксису предложений. Н. А. Заболоцкий смешивает устаревшие слова с современными. В переводе В. А. Жуковского присутствуют современные грамматические формы слов, например, *начати — начать, помняшь — памятно, растекашеться — растекался, пояше — пелась, земли незнаме — земле неизвестной*, что позволяет читателю лучше понимать содержание. Также для перевода В. А. Жуковского характерно употребление обратного порядка слов, что по звучанию приближает текст к бытине. Переложение Я. Купалы насыщено авторскими средствами художественной выразительности, которые влияют на изображение исторического фона и художественные образы произведения. Прозаический перевод белорусского поэта имеет большую точность с оригинальным текстом.

Некоторые факты в переводах могут претерпевать незначительные смысловые отличия. Так, в описании битвы с половцами на реке Каяле читаем: «*Се ветри, Стрибожи внуци, веють съ моря стрелами на храбрыя пльки Игоревы*» [1, с. 91]. В переводах Д. С. Лихачёва, Я. Купалы, В. А. Жуковского сохраняются «*храбрые полки*». У Н. А. Заболоцкого: «*И взметнули вражеские луки // Тучу стрел на русские полки*» [1, с. 8]. Хотя определение *храбрые* также не нарушает ритм строфы.

В «смутном» сне князь Святослав видит, что его одевают в чёрную *паполому* («*си ночь съ вечера одевахуть мя чръною паполомою*» [2]). Д. С. Лихачёв переводит это как «*одевали меня чёрным саваном*», В. А. Жуковский — «*одевали чёрным покровом*», Н. А. Заболоцкий — «*покрывали чёрной пеленою*», Я. Купала — «*адзявалі мяне пасцілкай чорнай*». Каждый из переводчиков заменяет древнерусское слово *паполома* понятным читателю словом. Но можно отметить, что некоторые слова переводчики могут заменить словом с иным значением. В лирическом плаче супруга Игоря Ярославна произносит, что полетит «*зегзицею по Дунаеви*» (кукушкой по Дунаю). В переводах Н. А. Заболоцкого, Д. С. Лихачёва, Я. Купалы *зегзица* переводится как *кукушка*, у В. А. Жуковского — *чечётка*.

Некоторые художественные образы претерпевают значительные смысловые искажения. В «смутном» сне Святослав видит, как «*чрепахуть ми синее вино, съ трудомъ смешено*» [2] (трудъ — скорбь, горе, печаль). У В. А. Жуковского эта фраза звучит как «*черпали мне синее вино, с горечью смешанное*», у Д. С. Лихачёва — «*синее вино, с горем смешанное*», у Я. Купалы в прозаическом переводе — «*сіняе віно, змешанае з зеллем*», в стихотворном переводе — «*віно сіняе чэрпалі мне, бы ў вяселлі, а ў віне тым благое намешана зелле*». У Н. А. Заболоцкого: «*Черпали мне синее вино, // Горькое отравленное зелье*». У автора «Слова» отсутствует намёк на отравление и сравнение со свадьбой. Замечено, что в переводе Н. А. Заболоцкого чаще встречаются отсутствующие в оригинальном тексте предложения, дающие оценку событиям или героям. Так, поэт подсказывает читателю толкование сна Святослава: «*Златоверхий терем мой стоял // Без конька, // И, предвещая горе, // Серый ворон в Плесенске кричал*» [1, с. 13]. В «золотое слово» также добавляет в начале речи фразу «не ждал я зла такого», но убирает имена сыновей, к которым обращается князь Святослав.

Автор «Слова» начинает своё повествование со слов, не выражающих никаких оценок князю Игорю: «*Не лепо ли ны бяшетъ, братие, начяти старыми словесы трудныхъ повестий о пльку Игореве, Игоря Святъславлича? Начати же ся тѣй песни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню!*» [2]. В переводах В. А. Жуковского, Д. С. Лихачёва, Я. Купалы эта часть вступительного слова по содержанию при-

ближена к оригиналу. У Н. А. Заболоцкого вступительная часть более расширенная, переводчик добавляет похвалу князю: «*Не пора ль нам, братия, начать // О походе Игорево слово, // Чтоб старинной речью рассказать // Про деянья князя удалого? // А воспеть нам, братия, его — // В похвалу трудам его и ранам*» [1, с. 3].

Идейная направленность «Слова» — призыв к остановке междоусобных войн и объединению. Несмотря на то, что произведение отличается единством содержания, некоторые фрагменты изображаются переводчиками по-разному. У Н. А. Заболоцкого итог битвы на Немиге звучит так: «*Берега Немиги той проклятой // Почернели от кровавых трав — // Не добром засеял их орамай, // А костями русскими — Всеслав*» [1, с. 19]. Незвестный автор «Слова» не обвиняет Всеслава: «*Немизе кровави брезе не бологомъ бяхуте посеяни, посеяни костьми рускихъ сынове*» [2]. Некоторые смысловые отличия прослеживаются и в сообщениях о том, что Всеслав направился из Белгорода в Новгород и взял город. Я. Купала это событие передает такими словами: «*Ахутаўся сіняю мглой, // А раннем, узяўшысь да зор, // Навограду браму лязом // Сякераю настеж адпёр*» [1, с. 64]. У Н. А. Заболоцкого эта часть звучит: «*И Всеслав, повиснув в синей мгле, // Выскочил из Белгорода зверем — // Не жалец на киевской земле*» [1, с. 19]. У Автора «Слова» нет упоминания о киевской земле и фраз, которые по смыслу соответствовали бы выражению «не жалец на киевской земле»: «*Скочи отъ них лютымъ зверем въ плъки изъ Белграда, обесися сине мгле*» [2]. Из-за отличия в выбранной лексике, в средствах художественной выразительности в переводах Я. Купалы и Н. А. Заболоцкого создается полярный образ князя Всеслава. В оригинальном тексте о получении Всеславом престола киевского князя говорится так: «*Тъй клюками подпръ ся о кони и скочи къ граду Киеву и дотчеся стружнемъ значи стола киевского. Скочи отъ них лютымъ зверем...*» [2]. В переводе Я. Купалы добавлены словосочетания «пусціўся ў хітрыкі», «усеўся на борздага каня», что создает образ деятельной личности, склонной к авантюрам. Н. А. Заболоцкий добавляет в характер Всеслава злонамерение, жесткость: «*Замышляя новую крамолу, // Он опору в Киеве нашёл // И примчался к древнему престолу // И копьем ударил о престол*». Княжение Всеслава в Киеве также передано в переложениях «Слова...» с определенными смысловыми искажениями. Я. Купала создает образ мудрого и справедливого князя, который разрешает конфликты: «*Усяслаў-князь людзям суд судзіў, // Гарадамі князёў надзяляў, // А сам поначы, свету на дзіў, // Ваўкалакам ці воўкам гуляў*» [1, с. 65]. Здесь имеется отсылка к способности Всеслава по ночам превращаться в волка. У Н. А. Заболоцкого этот момент звучит так: «*Тот Всеслав людей судом судил, // Города Всеслав князьям делил, // Сам всю ночь, как зверь, блуждал в тумане...*» [1, с. 20]. Особенности перевода, иной порядок слов придают образу князя отрицательные черты. Получается, что он не организовывал суды, чтобы разрешать споры, а чинил суд над людьми, наказывал.

Заключение. Из проанализированных переложений наиболее близкими к оригинальному тексту «Слова» являются переводы Д. С. Лихачёва, В. А. Жуковского. Перевод любого древнерусского текста не может быть дословным, но в процессе художественного переложения наблюдаются наибольшие композиционные, лексические и содержательные изменения. Чем современнее и поэтичнее перевод, тем больше изменяется замысел и первоначальная концепция древнерусского текста.

Список цитируемых источников

1. Слово о полку Игореве : [перевод]. Песнь о Зубре : [перевод : для среднего и старшего школьного возраста] / Николай Гусовский ; [сост. Г. М. Юстинская]. — Минск : Беларусь, 2009. — 220 с.
2. Слово о полку Игореве // Древнерусская литература. — URL: <https://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/slovo-o-polku-igoreve/slovo-o-polku-igoreve-original.htm> (дата обращения: 10.09.2025).

УДК 882

С. А. Белохвостик

Учреждения образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВРЕМЯ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕДНЫЕ ЛЮДИ»

Введение. Мир художественного произведения, связанный с миром реальной действительности, не может существовать вне времени и пространства. Данные категории являются ключевыми в описании параметров эстетической действительности, вымышленной автором и материализованной им в словесно-художественной форме [1, с. 919]. Т. В. Матвеева считает, что текстовая категория времени определяется как категория, «с помощью которой содержание текста соотносится с осью времени: реальной исторической перспективой действительности или ее преломлением» [2, с. 536].

Категория художественного времени играет существенную роль в формировании содержания текста. При этом автор текста создает в каждом конкретном случае новый образ мира. Он располагает его в различных определенных рамках времени и пространства, свойственных (или несвойственных) данной ситуации, что обусловлено установкой автора [3, с. 166]. «Временной и пространственный язык» используется авторами художественных произведений как средство выражения собственной субъективной позиции. Художественное